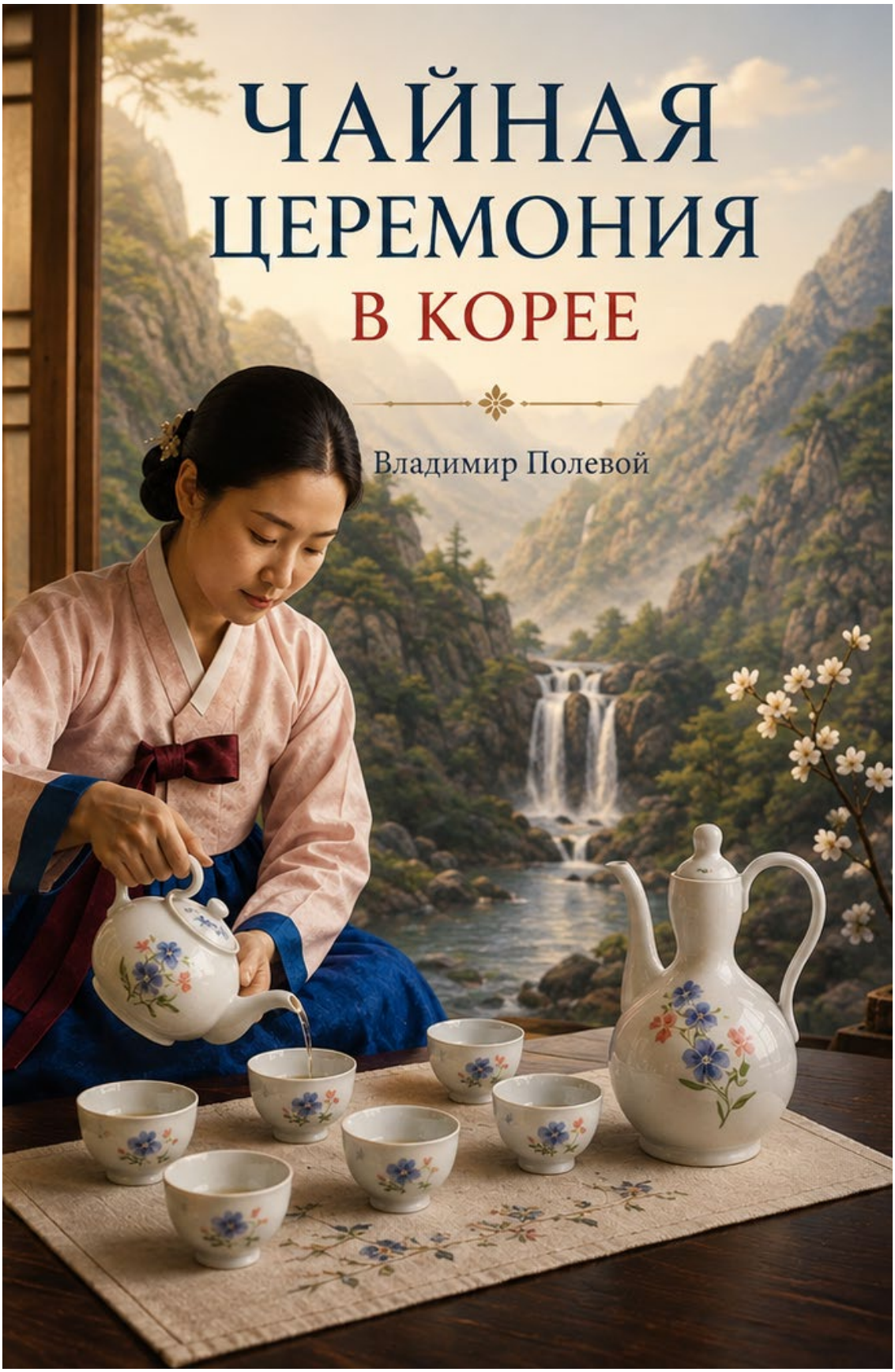

ЧАЙНАЯ
ЦЕРЕМОНИЯ
В КОРЕЕ
Владимир Полевой

ВЛАДИМИР ПОЛЕВОЙ

ЧАЙНАЯ ЦЕРЕМОНИЯ В КОРЕЕ

2026

Пролог

История этой книги началась задолго до того, как Михаил впервые увидел Северную Корею.

В середине 1970-х годов несколько советских специалистов были направлены в Соединённые Штаты изучать опыт ведущих американских компьютерных компаний.

Вернувшись, они предложили неожиданно простое решение.

— Зачем заново создавать то, на что американцы уже потратили миллиарды долларов? Пусть программное обеспечение останется их, а компьютеры мы будем строить сами.

Так появились машины, способные работать с программным обеспечением, ставшим международным стандартом.

Они были значительно дешевле западных аналогов, и вскоре их начали покупать многие страны.

Вместе с компьютерами за границу должны были ехать инженеры — устанавливать оборудование, обучать местных специалистов и помогать запускать вычислительные центры.

Отдел, в котором работал Михаил, начал готовить специалистов для зарубежных командировок.

Как один из ведущих инженеров, он должен был оказаться в числе первых.

Но каждый раз что-то мешало.

Сначала медицинская комиссия обнаружила, что у него «не санирован рот».

Это выглядело странно. Михаил никогда серьёзно не лечил зубы просто потому, что они его никогда не беспокоили.

Через некоторое время появилась другая причина.

Повышенное артериальное давление.

Объяснения казались Михаилу всё более странными. Причины отказов менялись, но результат оставался прежним — за границу он не попадал. Лишь с началом перестройки Михаил наконец получил своё первое разрешение на выезд за границу.

Глава 1. Граница

Поезд медленно приближался к границе.

Михаил проснулся ещё до рассвета.

За окном стояла густая темнота. Не было видно ни одного фонаря, ни одного огонька. Казалось, поезд двигался через совершенно пустой мир.

Включать ночник ему не хотелось — он боялся разбудить попутчиков.

Он лежал в полудрёме, вспоминая прощание с семьёй. Ему всё ещё казалось, что он чувствует на своей щеке тёплую ладошку сонной дочери, которую поцеловал перед отъездом.

Неожиданно в вагоне вспыхнул тусклый свет.

Через несколько секунд послышались тяжёлые шаги проводника. Он шёл по коридору, ударяя связкой ключей по дверям купе.

— Граница…

Это слово окончательно разбудило Михаила.

Всю жизнь Михаил испытывал странное чувство перед людьми, от которых что-то зависело. Они могли быть совершенно спокойными и доброжелательными, но само сознание того, что именно они принимают решение, лишало его привычной уверенности.

Он не боялся людей. Он боялся зависимости от них.

И сейчас ему снова предстояла встреча с людьми, которые должны были решить, может ли он пересечь границу.

Поезд остановился.

Некоторое время он неподвижно стоял возле тёмного здания вокзала. Сквозь приоткрытое окно доносились только гудки тепловозов и короткие команды, которыми перекликались люди на перроне.

В вагон вошли двое.

Они молча проверяли документы.

Когда дверь купе открылась, Михаил и его товарищ сидели неподвижно.

Наверное, по их лицам было нетрудно догадаться, что эти люди впервые выезжают за границу.

Проверяющий молча поставил штампы в паспорта и пошёл дальше.

Через некоторое время появились пограничники.

Ещё один взгляд на документы.

Ещё один штамп.

Ни одного вопроса.

И снова ожидание.

Наконец поезд медленно тронулся.

Он постепенно набирал скорость.

По обе стороны пути стояли пограничники.

Потом за окном потянулись бесконечные ряды колючей проволоки.

Один ряд.

Второй.

Третий…

И вдруг поезд выехал на мост.

Словно по чьей-то команде темнота закончилась.

В окно ударил яркий утренний свет.

Колючая проволока исчезла.

На другом конце моста стоял пограничник.

Он улыбался и приветливо махал рукой.

По движению его губ Михаил смог разобрать только одно слово.

— Welcome.

Глава 2. Подготовка

Михаил Орлов в этот день вернулся с работы раньше обычного.

Тихо открыл дверь, сменил уличную обувь на домашние тапочки и на цыпочках подошёл к комнате дочери.

Приоткрыв дверь, он увидел, что она, удобно устроившись на кровати, с увлечением рассматривала большую книгу с картинками. Рядом лежала её любимая кукла. Не отрываясь от книги, девочка машинально покачивала её рукой, словно убаюкивала.

Михаил улыбнулся и осторожно прикрыл дверь.

Из кухни донёсся голос жены:

— Обед будет готов через сорок минут.

День выдался жарким.

Михаил снял рубашку и пошёл в душ.

Вытирая запотевшее зеркало ладонью, он посмотрел на своё отражение.

Из зеркала на него смотрел высокий, немного располневший мужчина с круглым лицом и немного удлинённым носом, который ему никогда не нравился.

«Надо больше ходить», — подумал он.

Ходить он действительно любил.

Оказываясь в незнакомом городе, Михаил почти никогда не пользовался транспортом. Он мог часами бродить по старым улицам, рассматривая дома, дворы, мостовые и вывески. Ему всегда казалось, что историю города легче понять ногами, чем по путеводителю.

Выйдя из душа, Михаил услышал голос жены:

— Дети, идите обедать!

Все молча собрались за столом.

Жена привычно разливала суп по тарелкам, гремя крышкой кастрюли и половником.

Дети, ещё сонные после дневного отдыха, молча ели, не поднимая глаз.

Жена рассказывала о своей сотруднице.

Та отказалась поменяться отпуском, хотя прекрасно знала, что у Орловых двое детей и летом их хотелось отправить к бабушке и дедушке, пока не начался учебный год.

А теперь эта сотрудница сама поехала в отпуск и попала в сезон дождей.

— И знаешь… я очень рада.

За столом стало тихо.

Михаил положил ложку.

— Семья… Я еду в Северную Корею.

Дети одновременно подняли головы.

Анечка закричала:

— Ура-а-а!

Жена несколько секунд молча смотрела на него.

— Куда?

— В Северную Корею.

Она покачала головой.

— А ничего поприличнее не нашлось?

После короткой паузы она улыбнулась своей обычной, немного насмешливой улыбкой.

— Нет, Орлов… Ты не Орлов. Ты Птичкин.

Все невольно улыбнулись.

Потом она вдруг стала серьёзной.

— Это надолго?

— Пока не знаю, — тихо ответил Михаил.

Разговор сам собой закончился.

Каждый думал о своём.

Михаил лёг спать раньше обычного.

На следующее утро ему предстояла первая встреча с людьми, вместе с которыми он должен был отправиться в Северную Корею.

Утром Михаил встретился с двумя будущими спутниками.

Они работали в том же департаменте, но в других отделах и были лишь шапочно знакомы. Впереди их ждала долгая поездка, и каждому хотелось понять, с кем предстоит, провести несколько недель вдали от дома.

В отделе давно привыкли: если возникала особенно трудная неисправность, звали Михаила Орлова.

Он любил работать самостоятельно.

Иногда к нему прикрепляли молодых специалистов, чтобы они перенимали опыт. Но учиться у Михаила было непросто.

Он думал очень быстро.

Пока напарник успевал обдумать первое решение, у Михаила уже появлялись второе, третье, а иногда и четвёртое. Он мгновенно отбрасывал неудачные варианты и продолжал искать новые. Проследить за ходом его мыслей было трудно даже хорошим инженерам.

Со временем Михаил понял, что лучший помощник — не тот, кто пытается думать вместе с ним, а тот, кто позволяет ему спокойно заниматься своим делом.

Поэтому он особенно ценил людей, которые брали на себя все бытовые заботы: покупку билетов, бронирование гостиницы, поиск недорогой столовой или ресторана, решение мелких организационных вопросов.

Такие напарники освобождали ему самое главное — время для работы.

Разговор быстро стал деловым.

Обязанности распределили без долгих споров.

Первый взял на себя всё, что было связано с питанием и бытовыми вопросами.

Второй должен был заниматься билетами, гостиницами и организацией поездки.

Михаилу досталась задача: собрать всё, что удастся найти о Северной Корее: историю страны, её культуру, традиции, обычаи и всё, что могло пригодиться во время командировки.

На этом и договорились.

Они пожали друг другу руки и разошлись.

В следующий раз вся троица встретилась уже в аэропорту.

Глава 3. Отъезд

Открытый чемодан, уже почти доверху заполненный вещами, стоял на банкетке в прихожей.

Так было заведено в семье.

Чемодан никогда не закрывали заранее. До самого отъезда он оставался открытым — вдруг вспомнится какая-нибудь мелочь, без которой потом будет трудно обойтись.

В квартире царила привычная преддорожная суета.

Софа хлопотала на кухне. Ей хотелось приготовить мужу что-нибудь особенно вкусное перед дальней дорогой.

Рядом крутилась Анечка. Она искренне старалась помочь маме, но больше мешала, чем помогала. То приносила не ту ложку, то забывала, зачем пришла, то начинала расспрашивать, далеко ли Корея и есть ли там снег.

Михаил невольно улыбался, наблюдая за ними.

Старший сын Саша подошёл к отцу.

Они разговаривали нечасто. Родители постоянно были заняты работой, а Саша уже считал себя почти взрослым и привык решать многие вопросы самостоятельно.

Но иногда ему очень хотелось посоветоваться именно с отцом.

— Пап… можно тебя спросить?

Разговор зашёл о школе.

Особенно беспокоила физкультура.

Учился Саша отлично. У него была прекрасная память, он был аккуратен, добросовестен и никогда не приходил неподготовленным.

Но выполнить нормативы ГТО никак не получалось.

Учитель физкультуры всё чаще говорил, что отличные оценки по другим предметам ничего не значат, если ученик не может выполнить обязательные нормы.

Михаил слушал молча.

Потом неожиданно подумал:

«Ему нужна другая школа.»

Физико-математическая.

Там будут ценить совсем другое.

Но такие решения нельзя принимать одному.

Об этом нужно будет поговорить с Софой.

Когда он вернётся.

Разговор закончился так же спокойно, как и начался.

Саша ушёл к себе.

Михаил машинально посмотрел в сторону чемодана.

Он успел заметить, как Анечка осторожно подошла к нему, быстро оглянулась по сторонам и что-то положила внутрь.

Когда девочка убежала, Михаил подошёл ближе.

На самом верху вещей лежал маленький резиновый тигрёнок.

Он сразу вспомнил недавний вечер.

В детском саду детям показывали мультфильм по «Маугли».

Особенно сильное впечатление на Анечку произвёл Шерхан.

Потом за ужином она долго рассказывала, какой это страшный и злой тигр.

И совершенно серьёзно объяснила:

— Папа… если ты возьмёшь с собой моего тигрёнка, большой тигр тебя никогда не укусит.

Михаил улыбнулся.

Игрушка осталась лежать в чемодане.

Позже Михаил незаметно переложил её в карман плаща

В это время Софа позвала Сашу на кухню.

— Иди помоги мне. Теперь ты у нас единственный мужчина дома.

В квартире снова стало шумно.

Михаил остался один.

Он достал несколько аккуратно сложенных листков бумаги.

Последние дни он собирал всё, что удавалось найти о Корее.

Сначала сходил в районную библиотеку.

Он знал её с детства.

Когда-то именно здесь впервые открыл для себя Дюма, позже Ремарка, затем Джека Лондона, Брэдбери, Фейхтвангера. Он никогда не читал всё подряд. В разные годы его увлекали разные авторы, а некоторые книги приходилось ждать месяцами или искать по знакомым. Иногда они просто исчезали с библиотечных полок — кто-то из читателей забывал их вернуть.

Но о Корее библиотека могла рассказать немного.

Нашлись только сборник корейских сказок и большая статья в «Большой советской энциклопедии».

Статья подробно рассказывала об успехах социалистического строительства, добыче угля, выплавке стали и выполнении очередного пятилетнего плана.

Для инженера, которому предстояло провести в этой стране несколько недель, этого было явно недостаточно.

Тогда Михаил попросил помощи у отца.

У того был давний друг — раввин киевской синагоги.

При синагоге существовала хорошая библиотека.

Там нашлись книги о Конфуции, буддизме и истории Востока.

Отец и его друг несколько вечеров просидели над книгами, выписывая для Михаила всё, что могло пригодиться.

Писали они своим привычным мелким, почти бисерным почерком.

Михаил медленно перелистывал страницы.

Один рассказ особенно привлёк его внимание.

Будущий Будда вырос во дворце. Отец старательно оберегал его от всего печального. Он не должен был видеть ни старости, ни болезней, ни смерти. Но однажды молодой принц покинул дворец. За один день он встретил старика, больного человека, похоронную процессию и странствующего монаха. Тогда он понял, что нельзя прожить жизнь, не задав себе главных вопросов, и решил оставить прежнюю жизнь, чтобы искать истину.

Михаил перевернул страницу.

На следующем листке была записана ещё одна мысль.

Перед своей смертью Будда сказал ученикам:

— Не думайте, что после моего ухода у вас не останется Учителя. Пусть Учителем для вас станет само Учение. Будьте светильниками самим себе.

Михаил задержался на этих словах.

Потом аккуратно сложил листки.

Часть он решил перечитать уже в самолёте.

Из кухни донёсся голос Софы:

— Миша! Звонили из диспетчерской. Такси будет через пятнадцать минут.

Сборы закончились.

Чемодан, простоявший открытым почти весь день, наконец закрыли.

Листочки с выписками о Корее Михаил аккуратно положил в потёртый кожаный портфель.

Там же лежали тестер, несколько отвёрток, маленький паяльник и ещё несколько инструментов, которые он всегда возил с собой.

Такова была его привычка.

Никогда не знаешь, что может понадобиться в дороге.

Все собрались в прихожей.

Перед дальней дорогой в семье соблюдали ещё одну старую традицию.

Нужно было ненадолго молча присесть.

Все сели.

В квартире стало удивительно тихо.

Через несколько секунд Софа негромко сказала:

— Ну… с Богом.

Все поднялись.

Михаил взял в руки плащ, чемодан и портфель, открыл дверь.

Анечка бросилась за ним.

— Папа, я с тобой!

Он улыбнулся, поставил чемодан на пол и достал из кармана маленького резинового тигрёнка.

— Ты же сама сказала, что теперь он будет меня охранять. Значит, со мной ничего не случится.

Девочка серьёзно посмотрела на игрушку и молча кивнула.

Она верила каждому своему слову.

Михаил ещё раз посмотрел на Софу, на Сашу, на Анечку.

Потом тихо вышел на лестничную площадку.

Дверь медленно закрылась.

Глава 4. Первый принцип Конфуция

Михаил приехал в аэропорт первым.

У стойки регистрации ещё никого не было. Он устроился в кресле неподалёку и стал думать о предстоящей поездке.

Ему не нравилось слово «тройка».

Слишком многое было с ним связано.

Когда-то «тройками» называли внесудебные органы сталинского времени, когда несколько человек за считаные минуты решали судьбу человека, а приговор нередко приводился в исполнение почти сразу.

Много лет назад Михаил работал в Севастопольском институте океанологии. У института было пять научно-исследовательских судов, ходивших по всему миру. Попасть в состав такой экспедиции считалось большой удачей — и для сотрудников института, и для тех, кто устраивался туда специально ради заграничного плавания.

Рядом с Михаилом работали несколько человек, которых за небольшие нарушения списали с судов. По вечерам, за чаем или кофе, они рассказывали истории о дальних рейсах и заграничных портах.

Почти каждый моряк, отправляясь в плавание, получал список покупок — от жены, родственников, знакомых, а иногда и от перекупщика. Поэтому во время стоянки самым важным было попасть в нужный магазин и найти именно то, что было заказано.

Но на берег отпускали только тройками.

Три человека должны были всё время держаться вместе. Все понимали, что один из них, скорее всего, пользуется особым доверием начальства. Инструкция была простой: если кто-нибудь попытается скрыться, двое остальных обязаны задержать его, вызвать полицию и потребовать, чтобы сообщили представителю советского консульства.

Однако люди всё равно иногда уходили с кораблей.

Особенно запомнилась Михаилу история, случившаяся в Сингапуре.

Тройка сошла на берег. У каждого был свой список покупок, поэтому вскоре они разошлись в разные стороны. Один из троих на судно не вернулся. Позже выяснилось, что он попросил политического убежища, а затем перебрался в Великобританию.

Двух остальных формально ни в чём не обвинили. Они продолжали выполнять свои обязанности по расписанию. Но заграничные документы у них сразу забрали, а во время следующих стоянок в иностранных портах их запирали в каютах и на берег больше не выпускали.

Через некоторое время тот человек позвонил из Англии в родной институт. Ему просто хотелось поговорить с кем-нибудь знакомым.

Трубку сняла сотрудница приёмной. В этот момент мимо проходил один из работников института.

— Ты знаешь такого-то?

— Знаю.

— Тогда поговори с ним.

Он взял трубку.

Короткого разговора оказалось достаточно, чтобы навсегда лишиться права на любые зарубежные поездки.

Михаил посмотрел на часы.

Наконец появился первый из его будущих спутников.

«Вот и первый», — отметил про себя Михаил.

Через несколько минут подошёл второй.

Все трое имели большой опыт служебных командировок, поэтому регистрацию прошли быстро. Перелёт до Москвы тоже обошёлся без приключений.

Самолёт из Киева приземлился в аэропорту Внуково. Оттуда на такси они отправились в аэропорт Шереметьево, откуда выполнялись международные рейсы. Там пришлось заполнить множество бумаг, пройти несколько служб, снова предъявить документы и зарегистрироваться на международный рейс. Когда все формальности наконец остались позади, они расположились в зоне ожидания.

Товарищ, отвечавший за билеты и гостиницы, позаботился о том, чтобы все три места в самолёте оказались рядом.

В кармане впереди стоящего кресла, рядом с инструкцией по аварийному выходу, лежал журнал «Советская Корея».

Как только самолёт набрал высоту, Михаил начал его листать.

Журнал был глянцевый, прекрасно отпечатанный. Фотографии — яркие и красивые. Но текст оказался совершенно привычным.

Сначала сообщалось об очередном съезде Трудовой партии Кореи и принятых на нём решениях. Затем рассказывалось о предприятиях, досрочно выполнивших задания правительства, и о новых успехах социалистического строительства.

Ни юмора, ни кроссворда, ни обычных человеческих историй в журнале не было.

Михаил отложил его и достал книгу, которую ещё в Киеве приготовил для дороги, — любимый роман Булгакова «Мастер и Маргарита».

После небольшого, но вкусного обеда он заснул.

Проснулся Михаил, когда стюардесса объявила, что самолёт прибудет в Пхеньян точно по расписанию.

Его спутники тоже начали просыпаться. По салону разносили кофе и бутерброды.

От бутерброда Михаил отказался — по утрам он почти никогда не ел. Вместо этого достал из портфеля песочное пирожное, которое Софа приготовила ему дома, и предложил его соседям.

Они разделили пирожное на троих и стали готовиться к посадке.

Когда самолёт коснулся земли и покатился по аэродрому, Михаил посмотрел в иллюминатор.

Аэропорт был почти пуст.

Где-то вдали стоял ещё один самолёт советского производства. Больше Михаил ничего не увидел.

«Странно, — подумал он. — Главный аэропорт страны — и почти ни одного рейса».

Паспортная проверка заняла совсем немного времени.

У выхода из аэропорта их ждал мужчина средних лет с табличкой «Михаил Орлов».

Он оказался сотрудником советского консульства, который встречал группу и в дальнейшем должен был отвечать за её пребывание в стране.

После знакомства он представил прибывшим их будущих заказчиков.

Корейцев тоже было трое.

Невысокие мужчины в официальных серых костюмах разных оттенков. На левой стороне пиджака у каждого был приколот значок.

После взаимных приветствий один из них спросил через переводчика:

— Кто из вас старший?

Сотрудник консульства представил Михаила.

Возле аэропорта стояли две серые Volvo — почти в тон костюмам встречавших.

Михаила пригласили в первую машину. Его товарищей повели ко второй.

Когда автомобили тронулись, Михаил вспомнил листочки, которые перед отъездом передал ему отец.

Там говорилось о конфуцианском понятии ли — правильном поведении, которое определяет отношения между людьми и требует уважения к старшим.

В аэропорту никто не произносил громких слов об уважении. Просто сначала спросили, кто старший, затем посадили его в первую машину, а остальных — во вторую.

Древний принцип оказался не отвлечённой мыслью из книги, а естественным порядком повседневной жизни.

Михаил посмотрел в окно.

Так он получил свой первый урок Конфуция — ещё до того, как увидел Пхеньян.

Глава 5. Пхеньян.

Тяжёлые гардины почти не пропускали утренний свет.

Михаил проснулся рано, как привык за многие годы. Он никогда не лежал в постели после пробуждения. Через несколько минут был уже умыт, одет и тихо спустился в холл гостиницы.

Внизу было пусто.

За стойкой дремал ночной администратор. Услышав шаги, он поднял голову, вежливо поклонился и снова опустил глаза.

Михаил вышел на улицу.

Он повернул направо.

Совсем рядом текла река.

От воды пахнуло утренней прохладой. Над Пхеньяном только поднималось солнце.

Михаил медленно пошёл вдоль набережной.

Так ещё не начиналась ни одна его командировка.

Стоило ему на мгновение остановиться, как перед глазами снова возник вчерашний день.

Он вспоминал его почти по минутам.

После короткого отдыха в гостинице их снова встретили сопровождающий и переводчик.

Как и накануне, Михаил сел в первую машину, а его товарищи — во вторую.

По дороге переводчик неожиданно рассказал по-русски небольшой рассказ под названием «Киевский торт».

Он произносил его почти без запинки.

Михаил понял, что рассказ выучен наизусть.

Память этого человека произвела на него сильное впечатление.

Минут через сорок машины остановились.

На стоянке уже стояли два автобуса.

Из них выходили школьники.

Белые рубашки.

Красные галстуки.

Никакого шума.

Они сразу выстраивались в колонну и внимательно слушали учителей.

Михаил неожиданно поймал себя на мысли, что и ему самому расхотелось разговаривать громко.

К группе подошла молодая переводчица.

Она представилась и повела гостей к небольшому уютному дому, окружённому аккуратным садом.

Остановившись у входа, она начала рассказ. Именно здесь, по её словам, родился Ки Ир Сен.

Потом последовал рассказ о его родителях, дедушке и детстве.

По её словам, будущий руководитель страны уже в десять лет ушёл в революционную борьбу.

Михаил невольно вспомнил советские книги.

Их герои тоже очень рано начинали бороться за счастье народа.

После долгого перелёта немного хотелось спать.

Он старался незаметно прикрывать рот рукой, чтобы не зевнуть.

И вдруг экскурсовод рассказала легенду.

Когда-то давно император попросил знаменитого художника по имени Ван нарисовать дракона.

Художник выполнил работу.

Но не стал рисовать ему глаза.

— Почему? — спросил император.

— Потому что, если я нарисую ему глаза, дракон улетит.

Император приказал закончить рисунок.

Художник нарисовал дракону глаза.

Дракон ожил и улетел.

Всю дорогу до следующей остановки Михаил думал над этой странной легендой.

Она казалась простой.

Но почему-то не выходила у него из головы.

Следующей остановкой стала Триумфальная арка.

Переводчик с гордостью рассказывал, что её высота составляет около шестидесяти метров. Она выше знаменитой парижской Триумфальной арки и значительно выше московской.

На фасаде были высечены даты 1925 и 1945.

Среди декоративных украшений переводчик показал два необычных цветка — кимирсению и кимченирию.

Михаил впервые услышал эти названия и решил, что позже обязательно узнает, что это за цветы.

Потом машины въехали в центр Пхеньяна.

Они остановились на площади имени Ким Ир Сена.

Огромное пространство поражало своими размерами.

Переводчик объяснил, что здесь проходят государственные праздники, военные парады и массовые демонстрации.

Одну сторону площади занимало огромное административное здание.

Михаил попытался представить себе площадь, заполненную сотнями тысяч людей.

После площади группа заехала в советское консульство.

Консул встретил гостей тепло и без лишней официальности.

Разговор продолжался довольно долго.

Он рассказывал о жизни в стране, отвечал на вопросы и постепенно переходил к практическим советам.

Под конец он неожиданно сказал:

— Хочу предупредить вас об одной особенности. Не удивляйтесь, если вам покажется, что вас слушают. Скорее всего, вам не показалось.

Все переглянулись.

Консул спокойно продолжил:

— В машинах вполне могут быть установлены микрофоны. В гостинице — тоже. Не исключено, что во время вашего отсутствия кто-нибудь заглянет в ваши комнаты. Не принимайте это на свой счёт. Здесь так принято.

Воспоминания оборвались.

Михаил остановился.

Он посмотрел на часы.

До начала рабочего дня оставалось совсем немного времени.

Пора было возвращаться.

Через несколько минут он уже входил в гостиницу.

Быстро поднялся в номер, переоделся и снова спустился в холл.

Там его уже ждали сопровождающий, переводчик и двое товарищей.

Все вместе отправились в институт. По дороге Михаил обратил внимание на большое здание неподалёку от гостиницы. Большие окна выходили прямо на улицу. За длинными столами сидели молодые люди. Одни читали книги. Другие что-то сосредоточенно записывали. Никто не разговаривал. Позже Михаил узнал, что это была библиотека. В гостинице жило много китайских студентов, приехавших учиться в корейском университете. Возможно, некоторых из них он тогда и видел за её окнами.

К зданию вычислительного центра их почему-то повели не через главный вход, а по чёрной лестнице.

Поднявшись наверх, они оказались в светлом холле.

По обе стороны располагались кабинеты.

За стеклянной перегородкой находился большой компьютерный зал.

Фальшпол.

Современное оборудование.

Мощная система кондиционирования.

Всё выглядело очень современно.

Только значительно позже Михаил узнает, что вычислительный центр был оснащён французским оборудованием, а монтировали его французские специалисты.

Гостей пригласили в просторную комнату.

Вдоль стен стояли низкие столики.

На них уже были расставлены фарфоровые чашки, блюдца и печенье.

Навстречу вышел директор института.

После приветствия он представил сотрудников вычислительного центра, с которыми предстояло работать советским специалистам.

Все расселись.

Михаил ещё не знал, что именно с этой спокойной чашки чая будет начинаться почти каждый его рабочий день в Северной Корее.

Так началось его настоящее знакомство со страной.

Глава 6. Первый официальный банкет

На следующее утро всё повторилось, как и в предыдущие дни.

Возле гостиницы уже стояли машины. Каждый занял своё привычное место, давно определённое негласным порядком. Машина плавно тронулась, направляясь к институту.

Молодой переводчик, как обычно, рассказывал Михаилу новости, которые утром прочитал в газетах или услышал по телевидению.

Главными были сообщения о новых решениях партии. Михаил запомнил лишь отдельные фразы. Говорилось, что теперь практически каждый гражданин страны имеет собственную комнату. В каждой квартире, по словам переводчика, обязательно должен висеть портрет Великого Вождя Ким Ир Сена или Великого Руководителя Ким Чен Ира.

Некоторое время они ехали молча.

Потом переводчик неожиданно спросил:

— Что бы вы хотели увидеть в нашей стране?

Михаил немного подумал.

— Знаете, мне было бы очень интересно посмотреть буддийский храм. Православные церкви я видел много раз, а вот восточный храм — никогда.

Он впервые увидел, как молодой кореец растерялся.

Тот заметно занервничал, даже замахал руками.

— Нет… нет… этого уже давно нет. Религия у нас искоренена…

Михаил сразу почувствовал, что поставил собеседника в неловкое положение.

— Простите, — тихо сказал он. — Я не хотел вас смущать.

После этого разговора они почти до самого института ехали молча.

На следующий день Михаил с удивлением заметил, что молодого переводчика рядом уже не было.

И на следующий тоже.

Несколько дней их сопровождал только сотрудник института, который почти не говорил по-русски.

Лишь на третий или четвёртый день появился новый переводчик.

Это был высокий немолодой кореец с открытым и спокойным лицом.

Он свободно говорил по-русски и сразу представился:

— Семь лет я работал переводчиком в посольстве Кореи в Москве. Кроме того, я писатель. За это время перевёл на корейский язык несколько русских революционных романов.

С ним было удивительно легко разговаривать.

Через несколько дней, когда они снова ехали в машине, он неожиданно сам вернулся к теме, о которой Михаил уже почти забыл.

— Да, религия в нашей стране действительно не приветствуется, — спокойно сказал он. — Но пожилые люди иногда посещают буддийские храмы и соблюдают старые обычаи.

Михаил ничего не ответил.

Он только кивнул.

Больше они к этому разговору не возвращались.

На следующий день сопровождающий сообщил:

— Сегодня короткий рабочий день. Вечером мы идём в ресторан.

Вернувшись в гостиницу, Михаил достал приготовленные для официального приёма брюки, пиджак, рубашку и галстук.

Брюки оказались немного помяты.

Он решил найти утюг.

Обошёл почти весь этаж, но так ничего и не обнаружил.

Видимо, персонал заметил, что иностранный гость что-то ищет, и вскоре появился сопровождающий.

Выслушав объяснение, он молча взял брюки и ушёл.

Через несколько минут Михаил увидел его в небольшой служебной комнате.

Тот спокойно гладил его брюки.

— Что вы делаете? — удивился Михаил. — Я ведь сам могу их погладить.

Кореец поднял голову.

— Мне партия поручила, — просто ответил он.

Михаил не нашёлся что сказать.

По дороге в ресторан Михаил спросил нового переводчика:

— Какие здесь существуют традиции? Это ведь наш первый ресторан в вашей стране.

Переводчик улыбнулся.

— Не волнуйтесь. Это европеизированный ресторан. Блюда будут привычными для вас.

Однако первое впечатление оказалось неожиданным.

Стол был большим и круглым.

Посередине находился вращающийся круг, заставленный блюдами.

Столовые приборы лежали отдельно, в стороне.

За спиной каждого гостя стоял официант.

Стоило кому-нибудь посмотреть на понравившееся блюдо, как официант сразу же аккуратно накладывал его на тарелку.

Когда все расселись, поднялся директор института.

Он поднял рюмку.

— Дорогие друзья!

Спасибо, что приехали помогать нашей стране, которая всеми силами борется за свою свободу и независимость.

Предлагаю выпить за Великого Вождя товарища Ким Ир Сена, за Великого Руководителя товарища Ким Чен Ира и за Генерального секретаря ЦК КПСС Михаила Сергеевича Горбачёва!

Все поднялись.

Раздался звон рюмок.

После первого тоста Михаил неожиданно понял, что аппетит исчез.

На столе стояли красиво оформленные блюда.

Официанты внимательно следили, чтобы тарелки гостей никогда не оставались пустыми.

Кто-то снова наполнил маленькую рюмку сакэ.

Михаил вежливо улыбнулся и едва заметно покачал головой.

В тот вечер Михаил почти не запомнил вкуса блюд. Он больше наблюдал за людьми. Всё происходило спокойно, без суеты, словно каждый заранее знал своё место и свою роль. Даже официанты двигались почти бесшумно. Это был ещё один мир, непохожий на тот, к которому он привык.

Глава 7. Человек — это состояние.

В субботу после завтрака переводчик встретил Михаила и его товарищей в вестибюле гостиницы.

— Сегодня я хочу показать вам гордость Пхеньяна — недавно открытое метро, — сказал он.

Михаил уже несколько дней видел город почти исключительно из окна автомобиля. Широкие проспекты, монументальные здания, площади и памятники быстро проплывали мимо, не оставляя времени рассмотреть обычную городскую жизнь.

— А нельзя остановить машину немного раньше? — спросил он. — Примерно в часе ходьбы от метро. Хотелось бы немного пройтись по городу.

Переводчик на мгновение задумался, затем посмотрел на сопровождающего. Тот молча кивнул.

Примерно через полчаса машина остановилась на широком проспекте. Они вышли и продолжили путь пешком.

День был тёплый, ясный. Лёгкий ветер едва шевелил молодую листву. Несмотря на хорошую погоду, прохожих на улице почти не было. Изредка навстречу попадался одинокий велосипедист или человек в сером костюме. Огромный проспект казался почти безлюдным.

Через некоторое время впереди показалась группа детей. Мальчики и девочки лет десяти-одиннадцати шли им навстречу свободной колонной, разговаривая и смеясь. На шеях у них были повязаны красные пионерские галстуки.

Заметив иностранцев, дети внезапно замолчали.

Кто-то из них негромко подал команду. Колонна мгновенно выровнялась. Девочки и мальчики перестроились, перешли на чёткий военный шаг и дружно запели.

Они прошли мимо советских специалистов, чеканя шаг и глядя прямо перед собой.

Михаил обернулся им вслед.

Дети продолжали маршировать и петь. Ни впереди, ни позади колонны не было ни одного взрослого.

— О чём они поют? — спросил он.

— Это песня о революционном вожде товарище Ким Ир Сене, — ответил переводчик.

Он произнёс это спокойно, словно иначе и быть не могло.

Михаил ничего не сказал.

Они прошли ещё несколько кварталов и свернули с широкого проспекта на узкую боковую улицу.

Здесь город выглядел иначе. Невысокие здания стояли ближе друг к другу, асфальт местами был разбит, а между домами виднелись небольшие дворы.

У одного из перекрёстков Михаил заметил странное сооружение. Сначала ему показалось, что колючей проволокой огорожено только одно небольшое здание. Присмотревшись, он понял, что проволока тянется гораздо дальше и окружает почти весь квартал.

За ограждением стояли несколько невысоких строений. На углу, возле небольшого укрепления, неподвижно застыл часовой с автоматом.

Михаил невольно замедлил шаг.

Ему хотелось спросить, что находится за колючей проволокой и кого там охраняют. Но после истории с буддийским храмом он уже знал, что некоторые вопросы лучше не задавать.

Переводчик заметил его взгляд.

— Нам сюда, — быстро сказал он и первым свернул в ближайший переулок.

Через несколько минут они снова вышли на широкую улицу. Впереди уже виднелся вход в метро.

Станция оказалась просторной и торжественной. Высокие колонны были облицованы светлым камнем, с потолка свисали массивные люстры. На стенах размещались мозаики, барельефы и скульптурные композиции.

Почти все они изображали революционеров, партизан и героев борьбы против японской оккупации.

Переводчик с гордостью рассказывал о каждой композиции и называл изображённых на ней героев.

Михаил внимательно слушал, хотя само метро удивить его не могло. Он много раз бывал в московском метро, а киевское знал с детства. Платформы, переходы и даже вагоны казались хорошо знакомыми. Вагоны почти не отличались от тех, которые ходили в Москве или Киеве.

После нескольких остановок они вышли на поверхность.

До гостиницы оказалось совсем недалеко, и оставшуюся часть пути прошли пешком.

У входа переводчик сказал:

— В подвальном этаже есть большая комната отдыха. Там можно читать газеты и журналы, играть в настольный теннис, бильярд и шахматы.

После прогулки Михаил поднялся к себе в номер и немного отдохнул. Через час он вместе с товарищами спустился вниз.

Комната действительно оказалась большой. В одном углу стоял бильярдный стол, в другом — несколько столов для настольного тенниса. У стен располагались кресла и небольшие столики с газетами и журналами. Возле окна стояли два шахматных столика.

Товарищи Михаила сразу нашли ракетки и мячик и начали играть в настольный теннис.

Михаил сел за шахматный столик.

Он любил шахматы и считал себя неплохим игроком. В институте ему нередко удавалось обыгрывать коллег, а во время длительных командировок шахматы всегда помогали скоротать свободный вечер.

Постепенно комната наполнялась людьми. Большинство из них были молодыми китайцами. Как выяснилось, это были студенты, приехавшие учиться в одном из пхеньянских университетов.

Некоторое время Михаил расставлял фигуры, раздумывая, не предложить ли кому-нибудь сыграть.

К нему подошёл китаец средних лет. В отличие от студентов, он был одет в тёмный костюм и белую рубашку.

— Hello! Do you play chess? — спросил он по-английски.

— Of course, — ответил Михаил.

Китаец сел напротив.

— What color do you prefer?

Михаил считал себя достаточно сильным шахматистом, чтобы позволить сопернику сделать первый ход.

— Black.

Они начали партию.

Уже после первых ходов Михаил понял, что противник ему попался непростой. Китаец разыгрывал дебют уверенно, не задумываясь над привычными позициями. Все его фигуры быстро заняли удобные места.

Михаил стал играть осторожнее.

Когда партия перешла в миттельшпиль, задумываться над ходами пришлось уже обоим.

Во время очередной паузы китаец представился. Он оказался преподавателем английского и китайского языков. В Пхеньян он приехал вместе со своими студентами. Здесь он помогал им осваивать корейский язык, а сам преподавал китайский и английский корейским студентам.

Михаил рассказал, что они прибыли из Советского Союза и помогают корейским специалистам создавать информационную систему для института.

— Значит, вы работаете с компьютерами? — спросил китаец.

— Да. Хотя пока нам приходится больше объяснять и договариваться, чем работать с самими компьютерами.

Китаец улыбнулся.

Разговор постепенно перешёл от работы к жизни в Пхеньяне, а затем — к различиям между народами.

— Мне иногда трудно понять некоторые особенности общения с корейцами, — признался Михаил. — Они очень вежливы, но никогда невозможно определить, что они думают на самом деле.

Китаец не ответил сразу. Он внимательно посмотрел на шахматную доску, передвинул коня и только после этого сказал:

— Возможно, вы пытаетесь понять их так же, как понимаете европейцев.

— А разве людей можно понимать по-разному?

— Можно по-разному смотреть на самого человека.

Китаец снова задумался над позицией.

— Я расскажу вам одну древнюю легенду. Она пришла из Индии, но её давно знают и в Китае. Возможно, она поможет вам понять, что я имею в виду.

Он сделал ход и начал рассказывать.

— Согласно древнему преданию, Вселенная не была создана один раз и навсегда. Она рождается, развивается, стареет, исчезает, а затем возникает вновь.

Когда бог-творец Брахма открывает глаза, начинается новый цикл творения. Появляются небо и земля, пространство и время, люди, животные и растения.

Но весь этот мир существует как сон бога Вишну. Пока Вишну спит, ему снится Вселенная со всеми её существами, событиями и судьбами. Ему снятся целые народы, войны и мирные времена, человеческая любовь, страдания, надежды и страхи.

— Получается, что и мы с вами сейчас кому-то снимся? — улыбнулся Михаил.

Китаец тоже улыбнулся.

— Возможно. Но когда сон заканчивается, приходит время бога Шивы. Своим космическим танцем он разрушает старый мир.

— Значит, Шива — злой бог?

— Нет. Разрушение не всегда является злом. Старый мир должен исчезнуть, чтобы освободить место для нового. Каждый конец одновременно становится началом следующего пути.

Китаец передвинул пешку и продолжил:

— Каждый мировой цикл проходит через четыре эпохи. Сначала наступает Золотой век — время истины, справедливости и гармонии. Люди живут в согласии друг с другом и с окружающим миром.

Затем приходит Серебряный век. Гармония ещё сохраняется, но уже становится слабее.

После него наступает Бронзовый век. В мире всё чаще появляются вражда, несправедливость и страх.

Последним приходит Железный век — эпоха нравственного упадка, когда людям всё труднее отличать истину от лжи, а добро — от зла.

— И в каком веке мы живём сейчас? — спросил Михаил.

— В Железном, — ответил китаец. — Но после него снова придёт Золотой век. Мир не движется по прямой линии. Он возвращается, но никогда не возвращается совершенно прежним.

Михаил задумался.

— Но какое отношение эта легенда имеет к человеку?

Китаец посмотрел на него.

— Самое прямое. Человек тоже не остаётся неизменным. В нём сменяются собственные эпохи. Иногда в его душе наступает Золотой век — он спокоен, добр и справедлив. Иногда приходит Железный — им овладевают страх, гнев или зависть.

— Но ведь характер человека сохраняется?

— Характер — это только направление, в котором человек чаще движется. Но его поступки зависят от того состояния, в котором он находится именно сейчас.

Китаец ненадолго замолчал, затем добавил:

— В европейской культуре часто говорят: человек таков, каковы его поступки. На Востоке иногда говорят иначе: человек — это состояние.

— Состояние чего?

— Его сознания. Его души, если вам больше нравится это слово. Сегодня человек может быть одним, завтра — другим. Поэтому, прежде чем судить его, нужно попытаться понять, в каком состоянии он находится сейчас.

Михаил продолжал смотреть на доску, но уже почти не видел расставленных на ней фигур.

Он думал о молодом переводчике, который испугался простого вопроса о буддийском храме. О новом переводчике, который через несколько дней сам заговорил о религии. О пионерах, мгновенно перестроившихся при виде иностранцев. О часовом за колючей проволокой.

Возможно, всех этих людей действительно нельзя было понять, не зная того состояния, в котором они находились: страха, осторожности, привычки или искренней веры.

Михаил машинально передвинул ладью.

На лице китайца появилась едва заметная улыбка.

— Вы уверены в этом ходе?

Михаил снова посмотрел на шахматную доску и сразу понял свою ошибку.

— Уже нет.

Через два хода он потерял пешку.

Теперь о победе можно было не думать. Пришлось защищаться, менять фигуры и постепенно упрощать позицию. Китаец играл точно, но Михаилу всё же удалось перевести партию в окончание, в котором ни у одной из сторон уже не оставалось реальных шансов на победу.

— Draw? — предложил Михаил.

Китаец внимательно осмотрел доску и протянул руку.

— Draw.

Они пожали друг другу руки.

— Хорошая партия, — сказал китаец.

— И очень своевременная легенда. Правда, она стоила мне пешки.

— Значит, вы запомните её лучше.

Михаил улыбнулся.

Откланявшись, он направился к выходу. Его товарищи всё ещё играли в настольный теннис, громко споря о счёте.

Поднимаясь к себе в номер, Михаил думал уже не о потерянной пешке.

Его не покидали слова китайского преподавателя:

«Человек — это состояние».

Возможно, понимать людей нужно не только по тому, какими они были вчера, и не только по тому, что они сделали, но и по тому, в каком состоянии находится их душа сегодня.

Эта мысль показалась ему неожиданной.

Он ещё не знал, сколько раз ему придётся вспомнить её в этой стране.

Глава 8. Пикник.

В воскресенье Михаил, как обычно, проснулся рано, оделся и вышел, чтобы совершить свою обычную утреннюю прогулку.

Но в фойе его встретил переводчик.

— Михаил, сегодня у нас пикник. Пожалуйста, будьте готовы через сорок пять минут и предупредите ваших товарищей.

Михаил нехотя поднялся в номер, умылся, приготовился и постучал к товарищам. Они тоже быстро собрались.

Через сорок пять минут все снова были в фойе гостиницы. Около входа их уже ждали знакомые «Вольво». Каждый сел в свою машину, и они поехали.

С Михаилом в машине был переводчик. Он рассказывал что-то о телевизионных передачах, которые смотрел вчера вечером, делился какими-то новостями. Но всё это было Михаилу не очень интересно, и он почти не слушал собеседника.

Он смотрел в окно.

По обе стороны тянулась чистая двухполосная дорога. Встречных машин почти не было, попутных — тоже.

С одной стороны дороги рос густой лес. Он был удивительно ухоженным. Кое-где виднелись просеки, и чувствовалось, что за лесом внимательно следят.

С другой стороны простиралась равнина. Но не было видно ни домов, ни людей. Казалось, вокруг вообще никто не жил.

Через сорок пять — пятьдесят минут они подъехали к месту пикника.

Вдали Михаил увидел залив, о котором ему ещё рассказывали в институте.

Едва выйдя из машины, он быстрым шагом направился к берегу.

До воды было ещё довольно далеко, когда он заметил, что море медленно отступает.

Вслед за уходящей водой на обнажившееся дно вышли жители ближайшей деревни. У многих в руках были сумки и корзины. Они собирали крабов, моллюсков, возможно, мелкую рыбу и другие морепродукты.

Деревня располагалась у подножия гор.

Над горами медленно поднималось солнце, а над вершинами неторопливо плыли облака.

К Михаилу подошёл знакомый сотрудник института.

— Вода здесь уходит очень быстро, — сказал он. — Во время отлива море отступает почти на три мили. Местные жители хорошо знают это время, поэтому морепродукты у них на столе бывают почти каждый день.

Потом они стали возвращаться к месту пикника.

По дороге Михаил увидел большую груду камней.

— Что это? — спросил он.

Сотрудник улыбнулся.

— С этим связана одна старая корейская легенда.

Давным-давно жил мудрый человек по имени Кантхеган. Он оставил своё хозяйство и три года каждый день приходил к реке. Он сидел на берегу с удочкой, но никогда не насаживал на крючок наживку.

Люди смеялись над ним. Жена не выдержала такой жизни, забрала детей и ушла.

Прошло три года.

Слухи о необычном человеке дошли до короля. Кантхегана привели во дворец.

— Почему ты три года ловишь рыбу без наживки? — спросил король.

Старик спокойно поклонился.

— Ваше Величество, я ловил не рыбу.

— А кого же?

— Я ловил вас.

Король долго смотрел на старика, а потом рассмеялся.

Он понял, что перед ним человек необыкновенного терпения и большого ума.

В тот же день Кантхегана назначили первым министром.

Прошло некоторое время.

Узнав, что её муж стал первым министром, жена пришла к нему и попросила принять её обратно.

Кантхеган спокойно выслушал её и ответил:

— Теперь друга я и без тебя найду. А в трудные времена ты меня бросила.

После этого он приказал складывать вдоль дорог большие груды камней.

С тех пор каждый мужчина, проходя мимо такой груды, мог плюнуть и сказать:

— Какая дрянная женщина!

Сотрудник улыбнулся.

— Правда, женщины рассказывают эту легенду по-другому. Они говорят, что никаких каменных груд Кантхеган складывать не приказывал. Просто крестьяне, очищая поля, складывали камни в большие груды, а мужчины потом придумали эту историю.

Михаил невольно подумал, что такую легенду невозможно было придумать в Европе. Здесь даже семейную историю превратили в народную притчу.

Он ещё раз посмотрел на большую груду камней. Несколько минут назад она казалась ему обычной грудой булыжников. Теперь же за ней стояла древняя легенда, которую уже много веков мужчины и женщины рассказывали по-разному.

И они не спеша направились к месту пикника.

Когда Михаил и сотрудники института вернулись к месту пикника, подготовка почти закончилась. Ею руководила девушка, которая в институте ежедневно проводила чайную церемонию.

На столе уже были расставлены бутерброды и небольшие тарелочки с разнообразными закусками.

Один из сотрудников достал большую литровую бутылку с прозрачной жидкостью.

— Это соджу — домашняя водка, — сказал переводчик.

Гости заинтересовались, и тогда он добавил:

— С этим напитком связана одна из самых известных корейских легенд.

Сын министра полюбил дочь мясника и попросил у отца разрешения жениться. Но отец был неумолим. Тогда сын женился без его благословения. Разгневанный министр прогнал сына вместе с молодой женой.

Прошло много лет. Для министра наступили тяжёлые времена. Его лишили должности, рис не уродился, начался падёж скота. Обеднев, он вместе со всей семьёй отправился просить милостыню.

Так он оказался у дома своего изгнанного сына.

Сын с радостью принял родителей, братьев и сестёр, поселил их у себя и заплакал от счастья. Но и сам он жил очень бедно и не мог прокормить такую большую семью.

Тогда его жена продала единственную козу, чтобы купить чумизу и накормить всех.

По дороге домой мешок порвался, и чумиза рассыпалась. Женщина терпеливо собрала всё до последней крупинки.

Когда она вернулась домой, то увидела камень с небольшим углублением, наполненным прозрачной жидкостью.

Отец попробовал её и сказал, что никогда в жизни не пил такой чистой водки. Но самым удивительным было то, что жидкость в камне никогда не иссякала.

С тех пор эта водка называется **Чуу-чен-сок**, что означает «водка из камня».

Говорят, что если человек щедро угощает гостей и наливает соджу не жалея, то у него будто бы есть свой Чуу-чен-сок, хотя тот легендарный камень давно исчез.

Михаил заметил, что почти каждая встреча в Корее сопровождалась какой-нибудь легендой. Казалось, прошлое здесь никогда не отделялось от настоящего.

Солнце уже поднялось высоко. Море медленно возвращалось, и люди с корзинами один за другим уходили с обнажившегося дна.

Когда соджу разлили по небольшим рюмкам, она оказалась крепкой, но необыкновенно мягкой на вкус.

Начались тосты.

Один из сотрудников сказал, что, несмотря на то что наши страны находятся далеко друг от друга, люди в них очень похожи. И здесь, и там самое главное в жизни — семья.

Были и другие тосты — за дружбу, за родителей, за детей, за совместную работу.

Михаил с удивлением заметил, что за весь вечер не прозвучало ни одного тоста ни за Ким Ир Сена, ни за президента Советского Союза Михаила Сергеевича Горбачёва.

Немного позже шофёр принёс большие чёрные мидии. Их уложили в костёр толстой частью вверх.

Затем он стал макать ветку в бензин и смазывать им верхушки раковин, поддерживая сильный огонь, чтобы мидии лучше прогревались.

Прошло около сорока минут. Только после этого шофёр объявил, что мидии готовы.

Нам показали, как их едят в Корее. Раковину сначала слегка приоткрывали, затем внутрь выдавливали лимон, немного солили и одним глотком выпивали содержимое.

Миша попробовал. Но нельзя было сказать, что этот деликатес произвёл на него большое впечатление.

Вечер подходил к концу. Все немного устали. Стол быстро убрали, костёр потушили.

Море уже возвращалось, словно ничего не произошло.

Глава 9. Долина десяти тысяч водопадов

Эта неделя была очень трудной. Почти всю неделю шли испытания установленного оборудования. В пятницу днём было принято общее решение, что оборудование готово к работе.

Состоялся небольшой митинг, на котором директор института поблагодарил нас за работу и сообщил, что предстоящий уикенд станет для нас большим отдыхом.

И действительно.

После того как мы вернулись в гостиницу около десяти часов вечера, переводчик сказал, чтобы мы подготовили туалетные принадлежности.

Через некоторое время мы вышли в фойе гостиницы и увидели у входа две машины.

Мы сели в них и минут через десять уже были на вокзале.

Когда мы вошли внутрь, то увидели огромное помещение, похожее на большую площадь. Оно было совершенно пустым. Кроме нас, там находилось ещё несколько европейцев.

Правда, опытный путешественник Михаил сразу понял, что вокзал вовсе не пустой. За стенами этого большого зала были хорошо слышны голоса множества людей.

Мы познакомились с европейцами и узнали, что это тоже специалисты, приехавшие по компьютерным проектам. Они были из Германии, Польши и Болгарии.

Нам предложили горячие и холодные напитки, а также небольшие бутерброды.

Минут через двадцать нас пригласили на перрон.

Мимо медленно проходили вагоны с разбитыми стёклами и помятыми дверями. Наконец рядом с нами остановился аккуратный купейный вагон.

Когда Михаил вошёл внутрь, он с удивлением увидел, что вагон отличается от советских. Вместо привычных восьми купе здесь было только семь.

Вскоре пришёл сопровождающий и вручил каждому небольшой ланч-бокс.

Поскольку Михаил не курил и не употреблял алкоголь, он получил только ланч-бокс.

Один из его товарищей курил и пил. Ему, кроме ланч-бокса, выдали несколько пачек сигарет и бутылку водки.

Другой товарищ курил, но не пил. Он получил ланч-бокс и сигареты.

Вскоре поезд тронулся.

Когда утром Михаил проснулся, поезд уже стоял у какого-то перрона.

Все сразу начали приводить себя в порядок.

Сопровождающий улыбнулся и сказал:

— Не торопитесь. Вы всё успеете.

Мы спокойно умылись, почистили зубы и вышли из вагона.

Неподалёку, на небольшой стоянке, нас ожидал автомобиль.

Там стоял один «Мерседес».

Сопровождающий извинился и сказал, что нам придётся ехать в гостиницу на одной машине.

— Это ненадолго, — добавил он.

Действительно, ехали мы недолго.

По дороге сопровождающий показал на большое здание и сказал:

— Это Дом подарков Ким Ир Сена. Здесь хранятся подарки, которые он получал от глав иностранных государств и делегаций.

Проехав ещё немного, мы остановились около небольшой гостиницы. Она была построена в традиционном корейском стиле. Крыша с чуть приподнятыми углами была украшена несколькими декоративными фигурками.

Мы быстро оставили вещи в номерах, которые нам предоставили, и спустились в ресторан, где нас накормили вкусным поздним завтраком.

После завтрака переводчица, которая была местным гидом, и наш сопровождающий повели нас в сторону гор.

Они сказали, что это Долина десяти тысяч водопадов.

На самой первой ступеньке мы увидели каменную табличку. Переводчица перевела высеченную на ней надпись. Это было одно из высказываний любимого руководителя Ким Чен Ира.

Потом, по мере того как мы поднимались всё выше, примерно через каждые сто — сто пятьдесят метров встречались такие же каменные таблички. Переводчица

каждый раз останавливалась, переводила нам очередное высказывание, и только после этого мы продолжали путь.

Михаил быстро понял, что таблички все одинаковые: догнать, увеличить и расширить.

Он придумал текст следующей таблички и не угадал. Она уже говорила о семейных ценностях в период строительства социализма.

Лестница была не очень крутой. Через определённые промежутки были устроены площадки, где можно было немного отдохнуть.

По мере подъёма вода сопровождала нас повсюду. С разных сторон стекали маленькие водопады. Где-то это были тонкие струйки, где-то — лишь капли, сочившиеся из скал. Но постепенно водопады становились всё больше и мощнее.

Где-то на середине пути мы остановились.

Переводчица сказала, что наступило время ланча.

Сопровождающий раздал каждому ланч-бокс и бутылку корейского пива.

Потом переводчица улыбнулась и сказала:

— Корейцы очень любят петь. Поэтому наш сопровождающий приготовил для гостей несколько песен.

И действительно, он начал русской песней «Катюша»,

Миша и товарищи стали подпевать и получился не очень хороший хор.

А потом сопровождающий исполнил ещё несколько корейских песен. Это было похожие на военные марши песни. Перевод Миша не спрашивал.

Голос у него был замечательный, хотя репертуар, как нам показалось, был довольно однообразным.

Мы дружно поаплодировали, собрали всё, что осталось после ланча, и снова стали подниматься вверх.

Чем выше мы поднимались, тем величественнее становились водопады.

Один из них был настолько большим, что его брызги долетали до лестницы, по которой мы шли.

Наконец лестница закончилась, и они вышли на большую площадку.

Справа текла небольшая горная речка. По берегам лежали груды камней разной величины, а чуть дальше с высоты падал тот самый большой водопад, брызги которого долетали до них ещё во время подъёма.

Но главным было другое.

Невдалеке, среди гор, стояла небольшая буддийская пагода.

Михаил остановился. Теперь он понял, куда всё это время вела их лестница.

Они подошли ближе. Перед храмом Михаил увидел три изображения Будды в разных позах.

Переводчица объяснила:

— Будда прошлого, Будда настоящего и Будда будущего.

Потом она немного помолчала и добавила:

— Прошлое уже прошло. Будущее ещё не наступило. У человека есть только один миг, в котором он может жить. Этот миг — сейчас.

Михаил задумался.

«Надо запомнить, — подумал он. — Потом обязательно поговорю об этом с папиным товарищем».

Спуск с горы оказался значительно короче.

Через некоторое время наша группа уже вернулась в гостиницу.

День подходил к концу. Мы ещё долго делились впечатлениями от увиденного. Казалось, шум водопадов всё ещё звучал где-то совсем рядом.

Глава 10. Буддийский храм

Миша проснулся, как обычно, рано.

Светлая комната, замечательный вид из окна на горы. Они были не очень высокими, но ощущались их мощь и величие.

Он открыл окно, и в комнату хлынул настоящий горный воздух. Он был настолько чистым и свежим, что, казалось, им невозможно было надышаться.

Быстро приведя себя в порядок, Миша спустился в ресторан, где его и товарищей ждал очень вкусный завтрак.

На выходе они встретили сопровождающего и новую переводчицу. Она была немного старше предыдущих и сразу сказала:

— Сегодня у нас будет очень интересная экскурсия.

В ресторане им выдали небольшие рюкзачки с ланчем, и группа отправилась вслед за переводчицей и сопровождающим.

Они шли по широкой долине. С одной стороны возвышались отвесные скалы, с которых стекали многочисленные водопады — большие и маленькие, широкие и совсем тонкие. По другую сторону долины, примерно в миле от тропы, тянулась ещё одна горная гряда с более пологими склонами.

Примерно через сорок пять минут Миша с товарищами подошли к деревянной лестнице. Она была такой же, как и накануне, — не очень крутой и удобной для подъёма.

Поднявшись на первую площадку, они неожиданно увидели перед собой буддийский храм.

Храм Похён у горы Мёхян, Северная Корея. Основан в 1042 году

Переводчица сказала:

— Это один из самых древних храмов Кореи. Он был построен в XI веке.

Подойдя ближе, она показала место перед храмом и объяснила, что раньше здесь стояла большая статуя Будды, но она была разрушена во время одной из последних войн.

Перед входом всем пришлось снять обувь.

Миша и его товарищи вошли внутрь.

Переводчица тихо сказала:

— Здесь не разговаривают.

Миша внимательно осмотрел храм. Он увидел изображение Будды и ковёр, на котором во время службы сидят молящиеся.

В храме никого не было.

Затем они прошли в соседнее помещение.

Переводчица объяснила, что в буддийском храме обычно есть несколько обязательных частей. Главный зал посвящён Будде, где находится его статуя или изображение. Есть место, где монах читает священные книги, помещение для медитации и, наконец, самое главное — Колесо жизни.

Миша подошёл ближе.

Оно напоминало большой корабельный штурвал. В центре были изображены три животных — свинья, петух и змея.

Переводчица объяснила, что Колесо жизни символизирует весь путь человека: рождение, жизнь, смерть и новое рождение.

— Эти три животных называются «ядами», — сказала она. — Они отравляют жизнь человека. Свинья символизирует неведение, петух — привязанность и жадность, а змея — гнев.

Миша долго рассматривал Колесо. Странно было видеть человеческую жизнь — от рождения до смерти и нового рождения — заключённой в один круг.

После этого переводчица рассказала, что в буддийский храм принято приходить с небольшими дарами.

В своих рюкзачках каждый нашёл пакетик конфет. Мы положили их в чашу, стоявшую рядом с Буддой, после чего вышли в соседнее помещение.

Здесь уже можно было разговаривать.

Переводчица объяснила, что каждый элемент храма имеет своё символическое значение. Основание символизирует землю. Самый высокий шпиль — мудрость, к которой стремится человек. Она говорила также об огне, воде и воздухе как о силах, сопровождающих человеческую жизнь.

Когда мы вышли из храма, то устроились за небольшим столиком и достали из рюкзачков ланч.

Совсем рядом бил родник. Вода была удивительно холодной и необыкновенно вкусной. Мы пили её из кружек, которые тоже лежали в наших рюкзачках.

Во время ланча переводчица продолжила рассказ.

Она сказала, что главных буддийских праздников два. Первый — день ухода Будды в нирвану. Второй — день его рождения.

После небольшого отдыха мы короткой дорогой спустились обратно в долину и вскоре вернулись в гостиницу.

После обеда нас снова отвезли на вокзал.

через три часа поезд уже прибыл в Пхеньян.

Глава 11. Последние рабочие дни

День начался, как обычно.

Две машины доставили Мишу и его товарищей в институт. Поднявшись в комнату, где каждое утро проходила традиционная чайная церемония, Миша с удивлением увидел, что там собрались все сотрудники института.

Директор института сказал:

— Сегодня мы начинаем лекционную программу, предусмотренную нашим контрактом.

Мише показали аудиторию, где должны были проходить занятия. Она его вполне устроила, и он был готов начинать.

У Миши уже был большой опыт чтения лекций для технических специалистов на курсах в Киеве, поэтому материал был хорошо подготовлен.

Он начал с небольшого вступления. Слушатели внимательно слушали, а переводчик быстро и уверенно переводил каждую фразу.

Но когда лекция перешла к техническим деталям, темп работы резко изменился.

Почти каждое предложение вызывало обсуждение. Дискуссия велась на корейском языке, поэтому Миша терпеливо ждал, пока она закончится.

Очень скоро Миша понял, что подготовленного на один день материала хватит дня на три. Он произносил фразу, переводчик переводил её, а затем начиналось обсуждение, иногда продолжавшееся минут десять.

Занятия продолжались пять академических часов в день.

После окончания лекций Миша зашёл в компьютерный зал, где его товарищи проводили практические занятия. Они обучали корейских специалистов поиску неисправностей, тестированию оборудования и способам устранения обнаруженных ошибок.

Миша медленно прошёлся по залу.

За каждым терминалом сидел слушатель и выполнял практические задания.

Работа уже шла вполне самостоятельно.

На компьютерах использовались программы на BASIC, FORTRAN и COBOL. По-видимому, были установлены и другие языки программирования, которые корейские специалисты освоили уже самостоятельно.

К концу недели переводчик сказал:

— Сегодня вечером мы идём в театр.

Ну что ж, в театр так в театр.

Как обычно, машины уже стояли у входа в институт, а переводчик и сопровождающий встретили нас в фойе гостиницы.

На двух машинах Мишу и его товарищей быстро доставили к театру.

Войдя в зал, они сразу обратили внимание, что их, как и других европейских специалистов, рассаживали в одном и том же ряду. Ряд перед ними был полностью пустым. Таким же пустым оставался и ряд позади. Все остальные места в театре были заняты.

Это был оперный театр.

Программок зрителям не раздавали. По обеим сторонам сцены были установлены экраны. С одной стороны шли китайские субтитры, с другой — русские. Поэтому содержание спектакля было понятно без труда.

Певцы обладали прекрасными голосами, а декорации и оформление сцены производили очень хорошее впечатление.

Однако сам сюжет напомнил Мише старые советские фильмы о колхозной жизни, где, несмотря на все трудности, люди неизменно оставались счастливыми.

После спектакля, возвращаясь в гостиницу, Миша и его товарищи делились впечатлениями и вспоминали наиболее запомнившиеся сцены.

Сюжет оказался довольно простым.

До японской оккупации счастливо жила небольшая семья — муж, жена и дочь. Они занимались сельским хозяйством и спокойно трудились на своей земле.

Но началась оккупация, и японцы увели мужа.

Жена осталась одна. Она помогала партизанам и с надеждой ждала окончания войны.

Война закончилась. Женщина стала председателем колхоза. Казалось, жизнь постепенно налаживалась, но мужа всё не было.

И вот однажды в деревню приехал новый секретарь райкома.

В конце спектакля выяснилось, что это и есть её муж, много лет назад уведённый японцами в плен.

Наступил счастливый финал.

Оркестр заиграл торжественную музыку, все герои вышли на сцену, запели, и занавес медленно закрылся.

Прошло ещё несколько дней.

Количество лекционных часов постепенно уменьшалось. И Миша, и корейские специалисты понимали, что такая тема, как операционная система, практически неисчерпаема. К тому же приближался день отъезда.

В один из дней Миша закончил лекции раньше обычного. Переводчик и сопровождающий предложили поехать в магазин, чтобы купить подарки.

Так как Пхеньян был не очень большим городом, доехали быстро.

В магазине, кроме Миши, его товарищей и переводчика, почти никого не было.

После обычных корейских магазинов выбор здесь казался необычайно богатым. Главным товаром была знаменитая корейская водка с женьшенем.

В это время Миша достал свой заветный список подарков, который ещё дома составила семья. Возможности позвонить домой тогда не было, поэтому всё приходилось решать самостоятельно.

В списке значились меховые изделия.

Миша увидел красивые лисьи шапки. Они стоили совсем недорого, и он купил по шапке жене и детям.

Остальные товары — трикотаж и различные сувениры — особого интереса не вызвали, да и в списке их не было.

Ребята тоже сделали свои покупки, расплатились, и все вернулись в гостиницу.

На следующий день переводчик подошёл к Мише и немного смущённо сказал:

— Миша, я знаю, что в Советском Союзе тоже бывают трудности с одеждой. Я много лет жил в Москве. Но у нас есть Универмаг № 1. Там иностранцам разрешают покупать товары за корейские деньги. Не могли бы вы помочь мне купить одежду для моих сыновей? У меня их трое.

На следующий день они вместе приехали в универмаг.

Магазин был переполнен.

Переводчик передал деньги самому солидному из наших товарищей — высокому и крепкому мужчине.

Миша и второй сотрудник остались немного позади и наблюдали за происходящим.

Очень быстро их окружили покупатели.

Люди с любопытством рассматривали иностранцев, их одежду, обувь и всё, что казалось необычным.

Переводчик подошёл к прилавку вместе с нашим товарищем.

Их сразу окружили покупатели.

Переводчик разговаривал с продавщицей, показывал на нужные вещи — кажется, это были свитера, рубашки и ещё что-то для детей.

Наш товарищ доставал из кармана деньги и расплачивался, а переводчик говорил ему, какую сумму нужно заплатить.

Миша заметил одного очень любопытного молодого человека, который всё время пытался заглянуть в карман, словно хотел убедиться, остались ли там ещё деньги.

Но всё закончилось благополучно.

Переводчик был искренне счастлив. Благодаря помощи друзей он смог купить одежду для своих сыновей.

Так закончились наши походы по корейским магазинам.

А завтра мы улетали домой.

Глава 12. Домой

Утром Миша, как обычно, спустился в фойе гостиницы. У входа уже стояли две машины.

Они быстро доехали до института.

В комнате, где обычно проходила утренняя чайная церемония, их уже ждала вся команда, с которой они работали все эти недели.

Чайная церемония в этот день была совсем короткой.

Директор института поблагодарил советских специалистов за хорошую работу и от имени всех сотрудников вручил им подарки.

За его спиной на столе стояли аккуратно упакованные, перевязанные лентами коробки. По форме они напоминали те подарочные наборы с напитками, которые Миша видел в магазине для иностранцев.

Подарки уложили в сумки, попрощались с сотрудниками института и сразу отправились в аэропорт. Все вещи уже были с собой.

В аэропорту сопровождающий и переводчик помогли быстро заполнить необходимые документы для таможенной и пограничной служб.

Потом они долго стояли у выхода на посадку.

Миша смотрел на людей, с которыми успел подружиться за время этой командировки.

Особенно его удивлял сопровождающий.

Когда они только приехали в Корею, тот мог по памяти пересказать лишь небольшой рассказ «Киевский торт», который когда-то выучил.

Теперь же он довольно свободно говорил по-русски.

Миша подумал, что за все эти недели так и не успел понять, кем на самом деле был этот удивительно способный человек.

Позже Миша узнал, что до приезда советских специалистов сопровождающий несколько месяцев работал с французами, которые готовили помещения для установки вычислительной техники: монтировали кондиционеры, фальшполы и другое оборудование. За это время он успел выучить французский язык настолько, что свободно общался с ними.

Миша ещё раз пожал ему руку.

Он заметил слёзы в глазах и у переводчика, и у сопровождающего.

Ему самому тоже стало трудно говорить.

Перед самой посадкой каждому из них вручили по длинной чёрной коробке.

Потом был самолёт.

Пересадка.

И наконец — дом.

Миша попрощался с товарищами, с которыми сдружился за время поездки, и пешком пошёл от автобусной остановки домой.

К его удивлению, дома его уже ждали.

— Как вы узнали, что я приезжаю именно сегодня? — спросил он.

Жена и дети только улыбнулись.

— Это секрет.

Позже Анечка тихонько призналась, что вся семья готовилась к его возвращению уже целую неделю.

Миша начал распаковывать подарки.

Лисья шапка очень понравилась жене.

Анечка натянула свою шапку почти на самые глаза и весело закричала:

— Я спряталась! Меня никто не видит!

Саша, примерив свою шапку, серьёзно сказала:

— Это девчоночья шапка. Мне такая не подходит.

Все рассмеялись.

Потом Миша открыл длинную чёрную коробку, которую ему вручили перед отъездом.

Внутри оказался фарфоровый чайный сервиз: небольшой чайник для заварки и тонкие чайные чашки.

Он внимательно посмотрел на сервиз и вспомнил историю, которую однажды рассказал ему один из сотрудников института.

В поезде встретились буддийский монах и европеец.

— Правда ли, что у вас существует особая чайная церемония? — спросил европеец.

— Правда, — ответил монах. — Мы собираемся вместе и пьём чай.

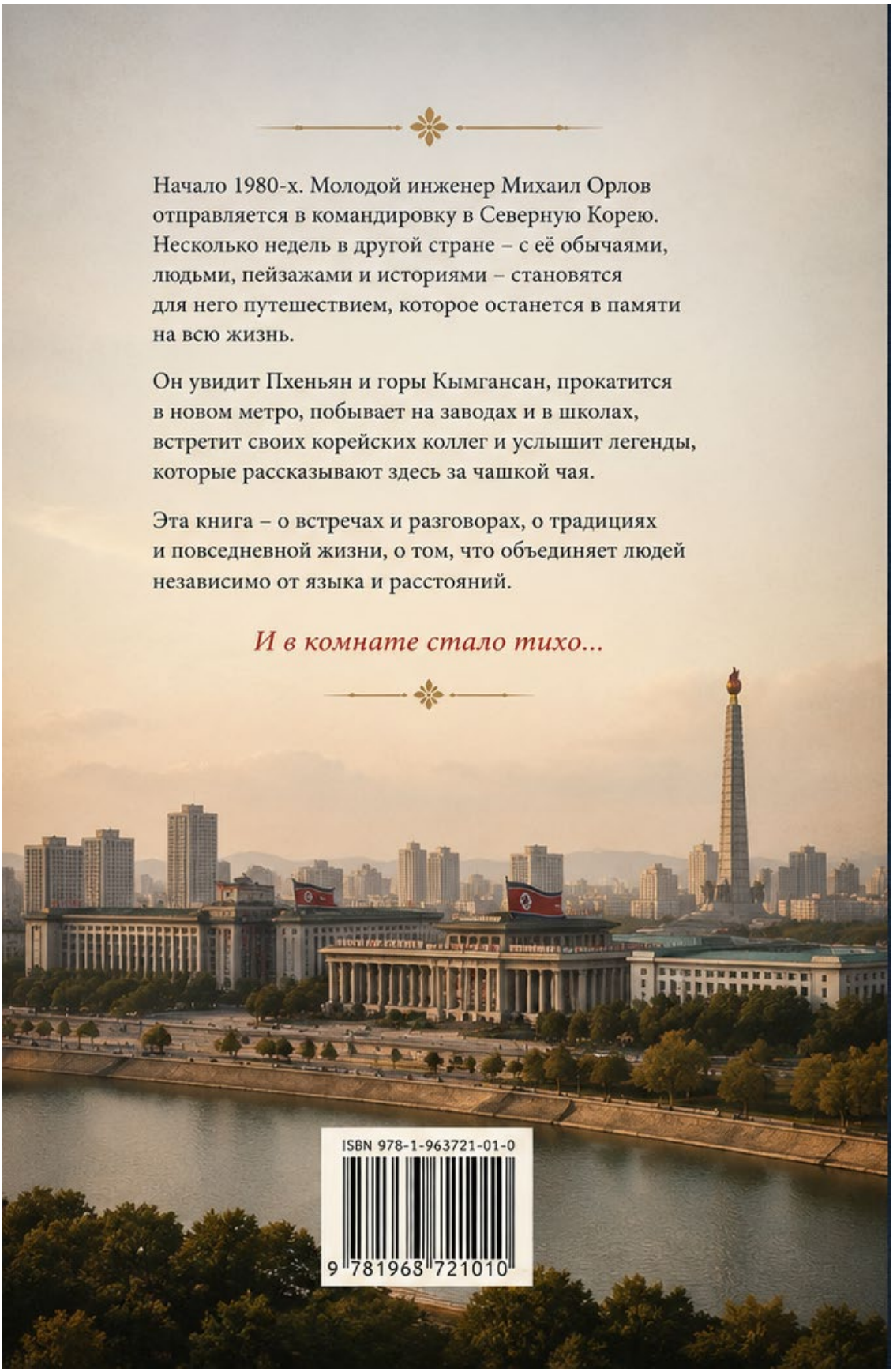
Немного помолчав, он с улыбкой добавил:

— Так же, как вы собираетесь вместе и пьёте кофе.

Миша молча заварил настоящий цветочный чай, разлил его по чашкам и сказал:

— Ну что же… Сегодня у нас будет настоящая корейская чайная церемония.

И в комнате стало тихо.



Начало 1980-х. Молодой инженер Михаил Орлов отправляется в командировку в Северную Корею. Несколько недель в другой стране – с её обычаями, людьми, пейзажами и историями – становятся для него путешествием, которое останется в памяти на всю жизнь.

Он увидит Пхеньян и горы Кымгансан, прокатится в новом метро, побывает на заводах и в школах, встретит своих корейских коллег и услышит легенды, которые рассказывают здесь за чашкой чая.

Эта книга – о встречах и разговорах, о традициях и повседневной жизни, о том, что объединяет людей независимо от языка и расстояний.

И в комнате стало тихо...

ISBN 978-1-963721-01-0
9 781968 721010